

ГБУ РС (Я) «Музей музыки и фольклора Якутии»
ФГБУН «Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера» СО РАН

ФОЛЬКЛОР ПАЛЕОАЗИАТСКИХ НАРОДОВ

*Материалы II Международной научной конференции
«Фольклор палеоазиатских народов»
(г. Якутск, 21–25 ноября 2016 г.)*

Якутск
2017

УДК398(=55)(063)
ББК82.3(2Рос5)я43

Ответственный редактор доктор исторических наук *А.Н. Алексеев*

Редакционная коллегия: кандидат педагогических наук *П.Е. Прокопьева*,
кандидат исторических наук *А.П. Решетникова*,
кандидат филологических наук *С.И. Шарина*, кандидат филологических наук *С.Н. Курилова*,
кандидат филологических наук *А.Е. Прокопьева*, кандидат исторических наук *В.С. Акимова*

Рецензенты: член-корреспондент РАН, доктор исторических наук *В.В. Напольских*,
доктор исторических наук *Е.Н. Романова*

Утверждено к печати Ученым советом Института гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

Издание осуществлено при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 16-11-14501 «II Международная конференция “Фольклор палеоазиатских народов”»)

Ответственность за содержание статей несут авторы статей

Ф75 **Фольклор палеоазиатских народов:** материалы II Международной научной конференции, г. Якутск, 21–25 ноября 2016 г. / [отв. ред. д.и.н. А.Н. Алексеев ; ред.-кол.: к.п.н. П.Е. Прокопьева, к.и.н. А.П. Решетникова, к. филол. н. С.И. Шарина и др.]. – Якутск: РИО медиа-холдинга, 2017. – 400 с.

ISBN 978-5-471-00678-2

Агентство СІР НБР Саха

В сборнике представлены материалы II Международной научной конференции «Фольклор палеоазиатских народов» (г. Якутск, 21–25 ноября 2016 г.). Статьи обобщают результаты исследований по таким направлениям, как этническая история, песенная и музыкальная культура, повествовательный фольклор, традиционная космология и обрядовая культура палеоазиатских народов. Сборник адресован фольклористам, филологам, историкам, этнографам, искусствоведам, музееведам и всем, кто интересуется культурой палеоазиатских народов.

В оформлении обложки сборника использованы иллюстрации из книг:

1-я стр. – А.П. Окладников, А.И. Мазин. Писаницы реки Олекмы и Верхнего Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1976. – 190 с.

4-я стр. – В.И. Иохельсон. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы. – Новосибирск: Наука, 2005. – 675 с.

ISBN 978-5-471-00678-2

© Авторы статей, 2017

© Оформление. РИО медиа-холдинга, 2017

ФОЛЬКЛОР ПАЛЕОАЗИАТСКИХ НАРОДОВ

Материалы II Международной научной конференции
«Фольклор палеоазиатских народов» (г. Якутск, 21–25 ноября 2016 г.)

Ответственный редактор **А.Н. Алексеев**

Редактор *Д.М. Желобцова*. Верстка *В.Д. Протодьяконова*

Подписано в печать 7.08.2017. Формат 60x84^{1/16}. Печать офсетная.
Печ. л. 25,0. Усл. печ. л. 23.25. Тираж 300 экз. Заказ № 43

РИО медиа-холдинга, г. Якутск, Дом печати, каб. 117, тел.: 42-11-04

Отпечатано в ОАО «Медиа-холдинг «Якутия»

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	5
Этническая история и культура палеоазиатских народов	
<i>Миссонова Л.И.</i> Перекрестки и параллели культур на островах Сахалин, Курилы, Хоккайдо (на основе фольклорного «слова» и «изображения»).....	11
<i>Зориктуев Б.Р.</i> Палеоазиатский пласт в этническом составе якутов (к истории общности хоро)	21
<i>Бравина Р.И.</i> Маски-личины в наскальном искусстве и обрядовой культуре народов Якутии	30
<i>Иванова-Умарова З.И.</i> Рисунки на бересте как ранняя письменность юкагиров	36
<i>Петрова С.И.</i> Новые артефакты материальной культуры народов Севера и Дальнего Востока (по материалам российских и зарубежных музеев).....	45
<i>Жукова Л.Н.</i> Новое в исследовании юкагирской культуры (палеоэтнография и фольклор)	49
<i>Немировский А.А.</i> Новые лингвистические результаты М.А. Живлова и подтверждение ымыяхтахского соотнесения (пра)юкагиров	59
<i>Хаховская Л.Н.</i> Праздник кита у коренного населения Крайнего Северо-Востока	70
<i>Yamada Takako.</i> Bear Ceremony as an Expression of Ainu Worldview	79
<i>Хурьюн О.Ю.</i> Возрождение нивхского обрядового праздника обновления природы <i>Чир ань (Питул)</i> на территории Сахалинской области	84
<i>Вртанесян Г.С.</i> Некоторые особенности структуры нивхских календарей	91
<i>Дедык В.Р.</i> Традиционная космология и обрядовая культура коряков	97
<i>Романова И.И.</i> Отражение фольклора коренных народов Чукотки в косторезном искусстве	104
<i>Жожигов А.В.</i> Самобытная культура палеоазиатских народов в мировом информационном пространстве.....	109
<i>Беркутова С.А.</i> Аудиовизуальные технологии в работе с детской аудиторией в музейном центре «Наследие Чукотки»	113
Песенная и музыкальная культура палеоазиатских народов	
<i>Добжанская О.Э.</i> Концепция звучащего ландшафта Арктики как инструмент для изучения музыкального фольклора палеоазиатских народов	119
<i>Игнатьева Т.И., Шейкин Ю.И.</i> О музыке круговых танцев верхнеколымских юкагиров	125
<i>Odé Cecilia.</i> Melody in the traditional art of storytelling and singing of the Wadul-Yukaghirs	138
<i>Осипова М.В.</i> «Военные» пляски айнов Курил, Сахалина и Хоккайдо	151
<i>Дьячкова Ж.А.</i> Песенная традиционная культура чукчей Нижней Колымы	161
<i>Дьяконова В.Е.</i> Музыкальная культура чукчей и эскимосов (на материале экспедиции в Чукотский автономный округ)	172
<i>Мамчева Н.А.</i> Обрядово-коммуникативные наигрыши-сигналы медвежьего праздника нивхов	179
<i>Мамчева Н.А.</i> Обрядовые песни медвежьего праздника айнов	190
<i>Акимова В.С., Акимова Н.В.</i> <i>Лохобаануйли</i> – круговой танец тундренных юкагиров	201
<i>Симомура Исао.</i> Об айнских «говорящих» варганах и игре «замена горлом» ..	205

<i>Симокура Исао</i> . Этимология названий айных варганов	214
<i>Симокура Исао</i> . Акустический механизм звукоизвлечения из «говорящего» варгана и из игры «замена горлом»	216
<i>Саньяхова Н.И.</i> Претворение музыкального фольклора юкагиров и чукчей в партитуре балета З.К. Степанова «Ярхадана»	221
<i>Венстен-Тагрина З.В.</i> О семейной шаманской песенной церемонии чукчей на примере праздника <i>Ми'эгыргын</i>	231

Фольклор и языки палеоазиатских народов

<i>Бурыкин А.А.</i> К изучению героического эпоса народов Чукотки: сюжетика, мотивы, типология	244
<i>Прокопьева П.Е.</i> Народные жанры юкагирского фольклора	252
<i>Омрувье И.В., Бурыкин А.А.</i> Ольга Ефимовна Бабошина – собиратель и публикатор фольклора народов Чукотки.	260
<i>Нагаяма Юкари.</i> Фольклор коренных народов Камчатки как языковое и культурное наследие.	265
<i>Шарина С.И., Бурыкин А.А.</i> Сказки-диалоги у народов Сибири: тексты, ареалы, прагматика	271
<i>Чарина О.И.</i> Сказки русских походчан: юкагирские заимствования	276
<i>Сайто Кимико.</i> Японский миф «Заяц на мысе Инаба» и сказки сибирских народов о хитрой лисе	285
<i>Шенталинская Т.С.</i> Марковские сказки «на юкагирский склон»	300
<i>Бурыкин А.А., Куликова И.В.</i> Новое издание образцов героических сказаний народов Чукотки	314
<i>Немировский А.А.</i> Концепция ньалльэ и воинский этос юкагиров (по северо-юкагирскому эпосу об Эдилвэе)	320
<i>Подмаскин В.В.</i> Повествовательный фольклор палеоазиатских народов как историко-этнографический источник	328
<i>Басангова Т.Г., Бурыкин А.А.</i> Чукотская сказка как материал для исторической типологии образцов фольклора эвенков и эвенов	338
<i>Хайруллин Р.З.</i> Миф и реальность в повести Ю. Рытхэу «Когда киты уходят».	343
<i>Курилова С.Н.</i> Инолексика в фольклоре тундровых юкагиров как отражение историко-культурных особенностей контактных ситуаций	353
<i>Endo Fubito.</i> Clause chain and quotation as stylistic peculiarities of Kolyma Yukaghir folktales	363
<i>Сорокин А.А.</i> Семантическая структура родо-видовой группы «Названия анатомических частей рыбы» в языке олиторских коряков	375
<i>De Graaf Tjeerd.</i> Documentation and Revitalisation of the endangered Languages in Eastern Asia: Nivkh and Ainu.	384

Спиридонов Н.И. (*Тэки Одулок*). Одулы (юкагиры) Колымского округа // Советский Север. – 1930. – № 9–10. – С. 166–214; *то же*. – 2-е изд. – Якутск: Северовед, 1996. – 80 с.

Шпакова Е.Г. Антропологическая характеристика детского погребения поздненеолитического времени со стоянки Каменка II // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 2. – С. 140–152.

Юань Кэ. Мифы древнего Китая. – М.: Гл. ред. вост. лит.-ры, 1987. – С. 5–377, 478–527.

Юкагиры. Историко-этнографический очерк / под ред. А.П. Окладникова. – М.: Наука, 1975. – 244 с.

УДК 811.554

А.А. Немировский, к.и.н.
(Институт Всеобщей истории РАН, г. Москва)

Новые лингвистические результаты М.А. Живлова и подтверждение ымыяхтахского соотнесения (пра)юкагиров

Стословники по тундренному и колымскому юкагирским языкам и глоттохронологические расчеты, выполненные М.А. Живловым, удревнили разделение юкагирских языков на северную и южную ветвь до точки расхождения в третьей четв. II тыс. до н.э., что позволяет соотнести пра-юкагиров с «вафельно-керамической» частью ымыяхтахской общности, древнейшие племена южноюкагирских языков – с южным ареалом «вафельного» ымыяхтаха, сменившим культуру на усть-мильскую, а древнейшие племена североюкагирских языков – с северным «пережиточным» «вафельным» ымыяхтахом (сугуннахская культура).

Ключевые слова: ымыяхтахская культура, усть-мильская культура, сугуннахская культура, юкагирские языки, стословники.

Реконструкция древнейшей этнической истории юкагиров не может строиться в отрыве от выявленных в последние десятилетия фактов их языковой истории. Хотя дискуссии о сравнительных связях юкагирских языков с различными уральскими и алтайскими языками все еще продолжаются, после работ И. Николаевой [1988] и др. можно с уверенностью считать, что юкагирские языки ближайшим образом связаны с уральскими и восходят вместе с ними к особому пра-урало-юкагирскому языковому единству внутри уральско-алтайского языкового пространства (что подтверждается и антропологически – «европеоидным сдвигом» в антрополо-

гии юкагиров, сближающим их именно с уралоязычными популяциями [Козинцев, Моисеев, 1995, с. 83–86; Моисеев, 1999, с. 45]; о генеалогическом древе урало-юкагирских языков см. [Хелимский, 2005; Курилов, 2003, с. 62–63, с учетом: Николаева, 2005; Nikolaeva, 2008 и др.]. Согласно этим результатам, праюкагиры, видимо, представляли собой первую, дальше всего зашедшую на восток волну расселения носителей урало-юкагирских языков. В современных юкагирских языках есть субстрат неуральского и неалтайского характера [Николаева, 2005, с. 500] – то есть субстрат языка более раннего, неурало-юкагирского населения Сибири. С антропологической точки зрения юкагиры относятся к байкальской малой расе монголоидной расы. Таким образом, суть древнейших стадий их этногенеза сводилась к тому, что группа уралоязычных пришельцев с запада смешалась в несколько этапов с неэндемичными монголоидными аборигенами Сибири, сформировав (окончательно – уже на территории Восточной Сибири) юкагирскую по языку и монголоидную по антропологическому облику общность, причем в праюкагирский язык вошел аборигенный языковой субстрат.

Следующим надежно выявленным фактом *языковой* эволюции юкагиров является разделение юкагирских диалектов (или значительной их части) на две ветви, давшие в итоге: одна – современный тундренный (североюкагирский, вадульский), а другая – современный колымский (лесной, южноюкагирский, одульский) юкагирские языки [Курилов, 2003, с. 53–54, 62–63]. Исследование, проведенное И.А. Николаевой [Nikolaeva, 2008], фактически показало, как отмечает М.А. Живлов, что это действительно так, ибо из известных нам вымерших юкагирских наречий чуванский язык оказался существенно ближе к колымскому (когимскому), чем к тундренному (алайскому), а омокский, наоборот, – к тундренному, чем к колымскому, так что «омокский и чуванский – не самостоятельные языки, а фактически диалекты соответственно тундренного и колымского» (М.А. Живлов, любезное сообщение 2014 г.). Наречие племени шоромба, как видно из самого его названия (ср. колымск. *шоромо* «человек»), также должно было быть близкородственно именно колымскому, а не тундренному. Однако датировка начала расхождения между указанными двумя ветвями оставалась до недавнего времени неопределенной.

Отметим, что вышеприведенная картина, выявленная И.А. Николаевой, теоретически может получать и иную этноисторическую интерпретацию, по которой существовали не две ветви, а непрерывный континуум юкагирских наречий, в котором взаимная их близость и дальность определялась прежде всего их географическим расположением друг отно-

сительно друга. Два добавочных соображения, однако, побуждают нас следовать интерпретации Г.Н. Курилова и М.А. Живлова:

1) В XVII в. племена алазейцев (носители тундренного языка) и омов (ближе к тундренному языку, чем к колымскому), с одной стороны, и верхнеколымцы (носители колымского языка), с другой – прямо граничили друг с другом, поддерживали друг с другом тесные дружественные контакты, и алазейцы прикочевывали к верхнеколымцам в гости [см. Орлова, 1951, с. 128]. Между тем именно алазейский тундренный и верхнеколымский языки по лексике, даже отвлекаясь от заимствований, отстоят друг от друга дальше всего (дальше, чем любой славянский или тюркский язык от любого другого славянского или тюркского языка!). Если бы расхождение юкагирских племенных наречий было равномерным, по племенам, и степень этого расхождения, соответственно, зависела бы просто от географической близости/дальности племен друг к другу, то языки алайи и когимцев должны были бы оказаться, скорее всего, очень близкими друг к другу, учитывая соседство и дружбу самих этих племен, а не самыми разошедшимися. Картина же распада юкагирского языка на ветви, представители которых позднее оказались соседями, с этой ситуацией согласуется;

2) Остальные известные юкагирские племенные наречия, хотя и обнаруживают сходства и различия и с тундренным, и с колымским, не являются, как отмечает сама И.А. Николаева, равноудаленными от них, а оказываются ближе либо к одному, либо к другому, причем степень географической близости/дальности и здесь не особенно коррелирует с языковой: чуванский язык ближе к колымскому, чем к тундренному, хотя чуванцы жили весьма далеко и от алайи, и от когимцев; омокский язык, вероятно, ближе к тундренному/алайскому, чем к верхнеколымскому/когимскому, хотя нижнеколымцы-омоки и верхнеколымцы-когимцы жили по течению одной реки и поддерживали друг с другом конфедеративные связи, а алазейцы с ними – нет.

Примерно пяти тысячелетний промежуток между пребыванием этноязыковых предков юкагиrow в составе еще не распавшейся урало-юкагирской общности (мезолит) и фиксацией расселения, языков и состава юкагиrow русскими источниками XVII–XIX вв. остается предметом дискуссий. Бесспорно лишь то, что в этом промежутке произошла цепь тех самых переселений и взаимодействий, которые привели юкагирские языки с их западной прародины на территорию Якутию, и что именно в ходе этих процессов осуществился этногенез юкагиrow. Однако ход и обстоятельства этих переселений неясны, и наиболее дискуссионным является вопрос о том, какую именно из выявляемых археологически миграций и общностей на территории Якутии можно соотносить с (пра)юкагирами на

том или ином этапе их истории [см. сводные обзоры выдвигавшихся гипотез в: Жукова, 2003, 2010; Шадрин, 2008]. Первую (пра)юкагирскую общность на территории Якутии и сопредельных регионов различные исследователи предлагали соотносить:

- с мезолитической сумнагинской культурой на территории Якутии (VIII–V тыс. до н.э.);
- с западносибирскими культурами ямочно-гребенчатой керамики, проникающими на правобережье Енисея в III тыс. до н.э.;
- с основной массой носителей ымыяхтахской неолитической культуры, существовавшей на территории Якутии в конце III–II тыс. до н.э.;
- с какой-либо частью ымыяхтахцев (например, северной, или даже лишь с одной из групп северных носителей ымыяхтаха);
- с носителями усть-мильской культуры бронзового века Якутии (конец II–I тыс. до н.э.), сменяющей ымыяхтахскую на большей части территории Якутии);
- с носителями одного из археологических комплексов, появляющихся на территории Якутии в железный век (I тыс. н.э.).

Выдвигались и другие гипотезы [см.: Симченко, 1976; Алексеев, Гоголев, Зыков, 1991; Кирьяк, 1993; Хлобыстин, 1998; Степанов, 2003; Степанов, 2004; Аргунов, 2004; Эверстов, 2008; Шадрин, 2008; Федосеева, 2011; Кирьяк, 2012, с. 87–124]. По некоторым взглядам, этногенез юкагиров проходил все же не на большей части территории Якутии, а лишь в северной ее части, близкой по границам к ареалу юкагиров XVII в. (хотя данные топонимики этой точки зрения не поддерживают [см. Бурькин, 2001]). Наибольшее распространение в науке получили гипотезы, соотносящие предков юкагиров с ымыяхтахцами или северными ымыяхтахцами; эти гипотезы подкреплены и этнографическими параллелями, обнаруживающимися между соответствующими памятниками и юкагирской культурой XVII–XIX вв. [Эверстов, 2008; Кирьяк, 1993; Кирьяк, 2012, с. 87–124]. Тем не менее, и альтернативные взгляды нельзя считать опровергнутыми.

В то же время последние результаты специалистов по урало-алтайскому и уральскому языкознанию – М.А. Живлова и И.А. Николаевой (частично не опубликованные, но уже введенные в научный оборот) – позволяют, по-видимому, существенно дополнить очерченную выше дискуссию новыми аргументами. Однако, прежде чем делать это, необходимо хотя бы в самом кратком виде представить картину этноархеологической истории территории Якутии в критические для нашей проблемы времена (II тыс. до н.э.–I тыс. н.э.), достаточно надежно выявленную по данным самой археологии [см., например, Алексеев, 1996; Алексеев, 1999;

Дьяконов, 2008; Эверстов, 2008; Федосеева, 2011]. Выглядит эта картина следующим образом:

- Примерно в конце III тыс. до н.э. на территорию Якутии и смежных районов северо-востока Азии приходят как минимум две группы мигрантов – носители «вафельной» керамики ымыяхтахской культуры и носители «рубчатой» керамики той же культуры. Как выясняется из характера распределения этих керамик по памятникам, это именно две разные этнокультурные общности, объединенные в литературе под наименованием «ымыяхтахская культура» в силу наличия у них общего каменного инвентаря, зоны смешения и т.д. (К середине 1990-х гг. исследования выявили тот факт, что на многослойных якутских стоянках ымыяхтахской культуры в большинстве случаев в одних слоях есть только «вафельная» керамика, а в других слоях тех же стоянок – только «рубчатая», причем иногда они идут так: слой с «рубчатой» – слой с «вафельной» – слой с «рубчатой» – слой с «вафельной» [Алексеев, 1996]. После этого стало ясно, что ымыяхтахский каменный инвентарь разделяли две разные группы племен, поскольку нельзя себе представить, чтобы одна и та же общность, применявшая два разных керамических стиля, еще и применяла бы в каждом отдельном месте в каждое время либо тот стиль, либо другой, но не оба вместе. Иными словами, та «ымыяхтахская культура», которая применяла разом и «вафельную», и «рубчатую» керамику, является не исходным корнем, от которого пошли «рубчатый» и «вафельный» варианты ымыяхтаха, а, наоборот, плодом гибридизации двух исходно разных этноархеологических компонентов – «рубчатого» ымыяхтаха и «вафельного» ымыяхтаха. Таким образом, существовало два разных этнокультурных феномена, условно объединенных в литературе понятием «ымыяхтахская культура»: группа племен с «вафельной» керамической традицией и группа племен с «рубчатой» керамической традицией). В самом деле, носители «вафельной» и «рубчатой» традиций обитали в основном в разных регионах Якутии. Присутствием обеих этих традиций отмечена лишь буферная зона между этими регионами, причем, как упоминалось, и тут эти традиции появляются на одних и тех же стоянках обычно не вместе, а поочередно, каждая в своем слое. «Вафельные» ымыяхтахцы занимали большую часть Якутии, в том числе весь ее север, а также некоторые районы Чукотки (где их ымыяхтахская традиция выделялась как т.н. северчукотская культура). «Рубчатые» ымыяхтахцы заселяли в основном иные районы Якутии и иную часть Чукотки, и с их памятниками на Чукотке (когда-то они были выделены как особая усть-бельская культура) Н.Н. Диков [1979, с. 154–160] гипотетически связывал языковых предков чукото-камчатцев (которые, вероятно, пришли на северо-восток Азии с отдаленного юго-запада);

- В третьей четверти II тыс. до н.э. (условно – ок. 1300 г. до н.э.) на большей части территории Якутии ымыяхтахская культура сменилась усть-мильской, судя по всему, принесенной новой волной мигрантов, пришедшей с юга (из Прибайкалья, вероятно, [Хлобыстин, 1987, с. 344; Шадрин, 2008, с. 201 и др.]). Однако археология не может определить, кто кого при этом ассимилировал (если это произошло вообще): пришельцы, то есть исходные носители усть-мильского комплекса, – местных ымыяхтахцев, или наоборот, или различным образом в разных местах. Усть-мильская культура существовала около тысячи лет (ок. 1300–400 гг. до н.э.); ее носители уже осуществляли бронзовое литье. В то же время на севере Якутии параллельно ей и позже нее еще более полутора тысяч лет (ок. 1300 г. до н.э. – 500 г. н.э.) сохранялся пережиточный «вафельный» ымыяхтах (так называемая сугуннахская культура, где также освоили бронзу).

Затем на севере без видимых резких смен археологических комплексов продолжалась жизнь вплоть до вакаревской (анадырско-майнской) культуры середины II тыс. н.э. на Чукотке, также имеющей «вафельную» керамику. Носителями этой культуры, как показывает, в частности, соотношение ее времени и территории с известной по сообщениям русских землепроходцев этнической картой, уже практически несомненно являются юагиры (а именно те юагиры, что занимали крайний восток юагирского ареала в XVI–XVII вв., то есть ходынцы, чуванцы и пр.) [Диков, 1979, с. 231–237]:

южнее же – в бассейне Лены – после тысячелетнего существования усть-мильской культуры с перерывами появлялось последовательно несколько новых археологических комплексов железного века Якутии; появление любого из них могло быть плодом миграции с неизвестными этническими последствиями. К XVI–XVII вв. здесь обитали тунгусы и якуты, но до них эти территории населялись юагирами, как видно, в частности, из гидронимии.

Как упоминалось, давать всей изложенной картине этноисторическую интерпретацию можно самыми разными способами. Представляется, что именно в этой области недавние лингвистические результаты могут принести новые аргументы.

Как известно, северная, «вадульская» ветвь юагирских языков (к ней относится тундренный язык, на котором сейчас говорят потомки алазейского юагирского племени алайи и других слившихся с ним племен нижней Яны – нижней Индигирки, а также омокский [см. Nikolaeva, 2008]), лексически очень сильно разошлась с южной, «одульской» (к ней относится лесной язык, на котором сейчас говорят потомки верхнеколымского

юкагирского племени когимэ-онмунды и смежных юкагирских групп; юкагиры-чуванцы на Чукотке также говорили на диалекте, более близком к этому языку, чем к тундренному [Там же]. Этот языковой распад исходного общеоюкагирского ареала должен был бы с немалыми шансами отразиться и археологически – обособлением и разделением культур. Ведь языковой распад должен был стать следствием того, что внутри исконного общеоюкагирского языкового ареала наметилась некая линия раздела контактных зон, а затем произошло такое ослабление контактов поверх этой линии (или такое видоизменение культуры по одну или обе стороны от этой линии), что части бывшего общеоюкагирского ареала, разделенные этой линией, сильно обособились по языку друг от друга.

Ключевое значение при этом приобретает вероятное время расхождения североюкагирской и южноюкагирской ветвей. В конце XX в. И. Николаева предварительно оценивала это расхождение по глоттохронологии временем около 2000 лет назад [Николаева, Хелимский, 1997, с. 155]. А недавно М.А. Живлов уточнил этот вывод, составив юкагирские словники для тундренного и колымского юкагирских языков [Живлов, 2011] и заключив, что после отсева доказанных заимствований в оба списка из неюкагирских языков совпадения в них составляют менее половины (47 %), так что время начала расхождения их по глоттохронологии – ок. 1350 г. до н.э. (М.А. Живлов, любезные сообщения 2011 и 2014 гг.). Сама степень усвоения в оба словника неюкагирской лексики оказалась примерно одинаковой (в колымском словнике, как указал М.А. Живлов, нашлось 24 слова без тундренных этимологических параллелей, а в тундренном – 29 слов без колымских).

Иными словами, уже к исходу II тыс. до н.э.–первым векам I тыс. до н.э. существовал не один этноязыковой пра/общеоюкагирский ареал, а два ареала – пра-североюкагирский и пра-южноюкагирский, причем ареалы эти были достаточно мало связаны друг с другом, а центры их были достаточно удалены друг от друга для того, чтобы в следующие две тысячи лет они очень сильно разошлись по лексике.

Между тем приведенная датировка расхождения североюкагирских и южноюкагирских языков в точности отвечает времени разделения бывшего ымыяхтахского ареала на усть-мильский на юге и пережиточный ымыяхтахский на севере и дальнейшему сосуществованию этих ареалов (глоттохронологическая датировка начала расхождения тундренного и колымского юкагирского по М.А. Живлову – 1350 г. до н.э. – вообще практически совпадает с археологической датировкой начала усть-мильской культуры – 1300 г. до н.э.; конечно, обе эти датировки реперны).

Независимо от этого встает вопрос: какая территория распространения южных и северных диалектов юкагирского потребовалась бы для того,

чтобы они разошлись по базовой лексике до менее 50 % общей лексики стословника? В XVII в. на Верхней Колыме и Чукотке жили носители диалектов южноюкагирского языка (шоромба, как видно уже из их названия на *ш-*; колымцы-когимцы; чуванцы с их языком, близким к языку колымцев), а на Нижней Колыме – Нижней Яне – носители диалектов североюкагирского языка (в частности, алайи и омоки). При этом источники констатируют постоянные контакты верхнеколымских юкагиров с нижнеколымскими (вплоть до принадлежности к одной ассоциации племен и ежегодных совместных собраний на Верхней Колыме с участием прибывших с Нижней Колымы, что описано в [Jochelson, 1926, p. 126; Иохельсон, 2005, с. 187]), и носители обоих языков представляли собой кочующие мобильные группы. Если допустить, что примерно ту же самую территорию, что и в XVII в., юкагиры заселяли и раньше, не выходя за ее пределы (т.е. не занимали почти всю Якутию, а обитали лишь на ее севере), то придется считать, что на пространстве примерно в 500 км шириной (с севера на юг) и 2000 км длиной (с запада на восток) у поддерживающих друг с другом контакты мобильных групп одного языка их диалекты разошлись по лексике вплоть до сокращения общей базовой лексики стословников вдвое, причем граница этого языкового разделения прошла совсем уж маловероятным образом – в широтном направлении, рассекая и без того вытянутую с запада на восток полосу на две еще более узких вытянутых полоски и отделяя верхнеколымских юкагиров от нижнеколымских, хотя те и систематически поддерживали с ними связи. Для оседлых жителей расчлененной местности, находящимся в достаточной изоляции друг от друга, помимо ближайших соседей, даже небольшой ареал изредка может не оказаться препятствием к весьма большим расхождениям языков (как в Папуа Новой Гвинее, Калифорнии или Дагестане), но предполагать такое для мобильных кочевых групп, контактирующих друг с другом, весьма маловероятно. Иное дело, если это расхождение осуществлялось в пределах намного большего ареала, т.е. если южноюкагирский язык формировался не на той территории, где его застают наши источники XVII–XIX вв., а на территории, лежавшей намного южнее и дальше от тундренной зоны формирования североюкагирского языка, – иными словами, если южноюкагирские языки формировались на основной таежной территории бассейна Лены, а североюкагирские – на Яне, Индигирке и Колыме. И в самом деле, то, что (пра)юкагиры занимали некогда все это пространство – как бассейн Лены, так и края к северо-востоку от него – как уже говорилось, усматривается и из топонимики [Бурькин, 2001]. Но именно это пространство почти целиком было археологически единым до конца II тыс. областью ымыяхта («вафельного»), а в конце II тыс. разде-

лилось на усть-мильский ленский и пережиточно- («вафельно»)-ымыяхтахский северный ареалы, причем от последнего уже прослеживали этнографическую преемственность к историческим юкагирам [Эверстов, 2008; Кирьяк, 2012], – а время самого только что названного археологического разделения близко к независимо определенной глоттохронологической датировкой начала расхождения северо- и южноюкагирской языковых ветвей!

В совокупности все изложенное побуждает считать, что праюкагиры с конца III тыс. в течение очень длительного времени непрерывно занимали территорию почти всей Якутии и соотносятся в целом с носителями «вафельного» ымыяхтаха. Миграция первых носителей усть-мильского комплекса в их ареал с юга (ок. 1300 г. до н.э.) привела к формированию и распространению на южно-центральной части этого ареала усть-мильской культуры, в то время как на севере сохранился реликтовый ымыяхтах. Однако при этом носители усть-мильского комплекса смешались с местным ымыяхтахским населением и не ассимилировали его по этничности и языку, а были, наоборот, ассимилированы им, так что «усть-мильцы» (если говорить не о первых носителях усть-мильского комплекса, принесших его на территорию Якутии, а о носителях усть-мильской культуры самой Якутии последующих веков) в этноязыковом смысле были не пришельцами, а южно-центральными ымыяхтахцами, ассимилировавшими указанных пришельцев (исходных «усть-мильцев»), в то время как северные ымыяхтахцы остались мало затронуты влиянием усть-мильского комплекса и не вошли в ареал усть-мильской культуры. Эта культурная дивергенция и дала толчок языковому обособлению и расхождению культурно разошедшихся ареалов (которое по независимым причинам датируется, напомним, именно этим временем): южные ымыяхтахцы, поглотившие пришлый элемент и перешедшие к усть-мильской культуре, стали предками носителей южноюкагирских языков, в то время как северные ымыяхтахцы, сохранявшие реликтовый ымыяхтах, стали предками носителей североюкагирских языков. Тот же факт, что и северо- и южноюкагирские языки источниками XVII–XIX вв. фиксируются лишь далеко на северо-востоке Азии, – это не показатель того, что ареал южноюкагирских языков там и формировался, а лишь следствие того, что основная часть южноюкагирского ареала была много позже занята тунгусами.

Таким образом, мнение большинства специалистов об ымыяхтахском соотношении (пра)юкагиров [из последних работ отметим: Эверстов, 2008; серию работ М.А. Кирьяк; Шадрин, 2008] получает дополнительное подтверждение и развитие. Доымыяхтахский этап этнической истории

(пра)юкагиров тогда совпадет с истоками и генезисом самой ымыяхтахской культуры. По мнению большинства специалистов, ее формирование на территории Якутии было плодом миграции с юго-запада. Соответствующие мигранты и окажутся пред-ымыяхтахскими праюкагирами. В тот ареал, из которого они пришли в бассейн Лены, их предки должны были попасть в результате цепочки еще более ранних переселений с запада, с территории общей урало-юкагирской прародины, пришедших на промежуток между VI/IV и концом III тыс. до н.э.

Литература

Алексеев А. Н., Гоголев А. И., Зыков И.Е. Этногенез и этническая история юкагиров, чукчей, эвенков и эвенов // Алексеев А. Н., Гоголев А. И., Зыков И.Е. Археология Якутии: эпоха палеометаллов и средневековья. – Якутск, 1991. – С. 49–61.

Алексеев А.Н. Древняя Якутия: неолит и эпоха бронзы. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – 144 с.

Алексеев А.Н. «Северный» локальный вариант ымыяхтахской культуры позднего неолита // Археология Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеометрология. – Новосибирск, 1999. – С. 22–26.

Аргунов В.Г. Проблема этнической идентификации археологических культур каменного века Якутии // Этносы Сибири: прошлое, настоящее, будущее. – Красноярск, 2004. – Ч.1. – С. 17– 21.

Бурыкин А.А. К определению ареала расселения юкагиров по данным ономастики (топонимики и этнонимики) // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Нальчик, Омск, 2001. – С. 80–82.

Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии. – М., 1979. – 352 с.

Дьяконов В.М. К проблеме перехода от позднего неолита к бронзовому веку в археологии Якутии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Аспирантские тетради. – 2008. – 37 (80). – С. 104–108.

Живлов М.А. 2011. Юкагирские стословники тундренного и колымского языков. Сетевое архивированное размещение: 1) <https://yadi.sk/d/KW5ZTSdjbedDR> в виде базы данных для программы StarLing; 2) <https://yadi.sk/i/uPs6AFLQbed9j> в виде текстового gtf-файла.

Жукова Л.Н. Юкагиры – наследники циркумполярной культуры Северной Евразии // Илин. – 2003. – № 1. – С. 78–79.

Жукова Л.Н. Юкагиры – наследники циркумполярной культуры Северной Евразии [Электронный ресурс] // Языки и фольклор народов Сибири. Электронный научный журнал. – 2010. – Режим доступа: www.sivir.ru.

Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / пер. с англ. В.Х. Иванова, З.И. Ивановой-Унаровой. – Новосибирск: Наука, 2005. – 674 с. – (Памятники

этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; Т. 5).

Кирьяк М.А. Археология Западной Чукотки в связи с юкагирской проблемой. – М.: Наука, 1993. – 224 с.

Кирьяк (Дикова) М.А. Загадочный мир древних граффити: по материалам поздненеолитической стоянки Раучувагыттын I (Чукотка). – Магадан: Кордис, 2012. – 167 с.

Козинцев А.Г., Моисеев В.Г. Об антропологическом своеобразии уралоязычных народов: сопоставление данных краниоскопии и краниометрии // ЭО. – 1995. – № 4. – С. 81–88.

Курилов Г.Н. Лексикология современного юкагирского языка. – Новосибирск: Наука, 2003. – 288 с.

Моисеев В.Г. Происхождение уралоязычных народов по данным краниологии. – СПб.: Наука, 1999. – 132 с.

Николаева И.А. Проблема урало-юкагирских генетических связей: автореф. ... канд. филол. наук. – М., 1988.

Николаева И.А. Юкагирский язык // Языки Российской Федерации и соседних государств. – М., 2005. – Т.3. – С. 499–507.

Николаева И.А., Хелимский Е.А. Юкагирский язык // Языки мира: Палеоазиатские языки. – М.: Наука, 1997. – С. 155–168.

Орлова Н.С. Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии. – М.: Географгиз, 1951. – 620 с.

Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии: этнографическая реконструкция. – М.: Наука, 1976. – 312 с.

Степанов А.Д. Вопросы юкагирского и тунгусского этногенеза в изучении культур ранних металлов Якутии // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. – Новосибирск, 2003. – С. 285–287.

Степанов А.Д. Юкагирская проблема в изучении ымыяхтахской культуры и эпохи ранних металлов Якутии // Этноссы Сибири. Прошлое. Настоящее. Будущее. – Красноярск, 2004. – Ч. 1. – С. 145–152.

Федосеева С.А. Периодизация и хронология неолитических культур Якутии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Иркутск, 2011. – Вып. 2. – С. 146–155.

Хелимский Е. А. Уральские языки // Языки Российской Федерации и соседних государств. – М., 2005. – Т.3. – С. 254–258.

Хлобыстин Л.П. Бронзовый век Восточной Сибири // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М., 1987. – С. 327–350.

Хлобыстин Л.П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур севера Евразии. – СПб.: ДБ, 1998. – 343 с.

Шадрин В.И. Современные концепции этногенеза юкагиrow // Север Азии в этнокультурных исследованиях. – Новосибирск, 2008. – С. 197–205.

Эверстов С.И. Некоторые параллели в культурах древних ымыяхтахцев и юкагиrow XVII-XIX вв. (в свете археологических открытий на нижней Индигирке)

// Север Азии в этнокультурных исследованиях. – Новосибирск, 2008. – С. 223–230.

Jochelson W. The Yukaghir and Yukaghirized Tungus. – N.Y., 1910–1926. – 554 p.

Nikolaeva I. Chuvan and Omok languages? // In: Lubotzky A. (ed.); Evidence and Counter-Evidence: Essays in Honour of Frederik Kortlandt. – N.Y., 2008. – Vol. 2. – P. 313–336.

УДК 394.2(=1.571.56+571.65-81)

Л. Н. Хаховская, к.и.н.
(СВКНИИ им. Н.А. Шило ДВО РАН, г. Магадан)

Праздник кита у коренного населения Крайнего Северо-Востока*

На основе литературных и архивных источников проанализирован ритуал китового праздника коренного населения Крайнего Северо-Востока (береговых групп коряков и чукчей, эскимосов). Рассмотрены формат, структура, комплекс действий и материальные атрибуты праздника. Показано, что праздник имел индивидуально-коллективный формат, связанный со статусом семейств и личными качествами конкретных охотников. Прослежена многоаспектная семантика церемониальных действий, среди них вычленены такие ритуалы, как похоронный обряд, промысловый культ, обычай гостевания.

Ключевые слова: праздник кита, Крайний Северо-Восток, коренное население, промысловый культ, похоронный обряд, кукольное представление.

Основным занятием коренного населения Крайнего Северо-Востока (эскимосов, береговых чукчей и коряков) на протяжении длительного времени являлся морской зверобойный промысел, что наложило отпечаток на их ритуализированное поведение. Обрядами сопровождалось некоторые действия во время подготовки к охоте, в ходе самого промысла, но наиболее масштабные и зрелищные мероприятия разворачивались после удачной добычи. Историографически о праздниках, связанных с морским зверобойным промыслом, известно со времени самых ранних контактов

* Исследование проведено при поддержке гранта РГНФ 14-01-00061а «Культурно-историческое развитие коренных народов Чукотки в советский и постсоветский период».